

СМУТА В ПОНИЗОВЫХ ГОРОДАХ В 1604–1614 ГОДАХ

Во второй половине 1580-х – начале 1590-х гг., после строительства каменного кремля в Астрахани, основания новых крепостей на Волге (Царицына, Саратов, Самара), Уфы на р. Белой и Терской крепости, Койского и Сунженского острогов на Тереке в России появилось новое административно территориальное образование – Понизовые города.

Собственно городом с каменными крепостными сооружениями, возведенными в 1588–1591 гг., была лишь Астрахань, где, по оценкам современников, проживало около 10 тыс. человек. Русский гарнизон состоял из местных городских детей боярских, служилых иноземцев, пушкарей и затинщиков, стрельцов и казаков, а также «летовавших» здесь детей боярских из Казани, Чебоксар, Свияжска, иноземцев из Нижнего Новгорода и казанских стрельцов. В городе жило черное и белое духовенство, астраханские торговые, посадские, земские люди, а также выходцы из «верховых городов», гиланские, бухарские и армянские купцы, работные и гулящие люди¹. Царицын, Саратов, Самара, Уфа и Терки были новопостроенными деревянными крепостями и постоянных сложившихся посадов или торговых слобод не имели. Гарнизоны этих крепостей численностью по 300–500 человек также состояли из местных городских детей боярских и иноземцев, стрельцов и служилых казаков, которые могли быть усилены стрельцами – летовальщиками из «верховых городов». В каждой крепости имелись церковь, воеводская изба, кабак и таможенный двор – всего, как, например, в Царицыне, не более ста домов².

Расстояние между городами по рекам составляло в среднем не менее 300–400 км, поэтому по водным путям в местах, удобных для переправ кочевников или нападений разбойников, власти строили острожки, в которых летовали государевы служилые люди – сторожа. Между Астраханью и Царицыным таких острожков было шесть³. Имелись острожки между Царицыным и Саратовом⁴, «заставы ниже Самары» до Саратова⁵. На Тереке в конце XVI в. упоминаются Койский и Сунженский остроги. Располагавшиеся в острогах служилые люди следили за поддержанием порядка на реках и перевозах и при необходимости извещали воевод в городах об опасности нападений степняков или «воровских казаков». Некоторые из этих острогов со временем превращались в новые «города». В Койском остроге, например, в начале XVII в. уже постоянно сидел царский воевода с небольшим гарнизоном, который на летние месяцы усиливался головой и ратными людьми из Терок⁶. Накануне Смуты, как видно из описи архива Посольского приказа, был создан чертеж и подготовлена прочая документация для строительства новой Черноярской крепости, которое было осуществлено лишь в 1627 г.⁷ В летние месяцы на пристанях и в ближайших окрестностях крепостей и острожков скапливалось большое число работных и гулящих людей, трудившихся на рыбных ловлях, добывавших соль, нанимавшихся в бурлаки и т.п.

В 1550-х гг. на Нижней Волге появились «зимовья» – городки вольных казаков. Станичники помогли московским властям завоевать и удержать за собой Нижнее Поволжье, но время первоначального освоения новых территорий уходило в прошлое. С 1580-х гг. московские власти стали постепенно вытеснять с Волги вольных казаков, поскольку практика показывала, что они в любой момент могли превратиться в «воровских» и учинить разбой на водных и степных путях. Наиболее горячие казачьи головы ушли с Ермаком в Сибирь, другие с атаманом Б. Барабошей построили новые городки на Яике на Кош-Яицком острове и в иных местах, третьи освоили «гребни»

---

* Тюменцев Игорь Олегович, доктор исторических наук, профессор, директор Волгоградского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

между Терекон и Сунжей, но бóльшая часть перешла на Дон. Однако к началу Смуты этот процесс не был завершен. В случае войны власти по-прежнему могли набрать до 2 тыс. донских, 1 тыс. волжских, 500 яицких и 600 терских казаков⁸.

Русское население и вольные казаки селились по поймам больших рек Волги, Дона, Терека, Яика и др. Огромные степные пространства между этими реками по-прежнему населяли кочевники – ногаи. С 1580-х гг., после строительства нижеволжских городов, кочевья Большой Ногайской Орды в Приуралье и в Нижнем Поволжье оказались под контролем московских властей, и ее князья и мурзы были вынуждены признать вассальную зависимость от царя. В русских войсках широко использовались отряды иррегулярной конницы из ногаев. Постоянную угрозу России на юге представляло Крымское ханство и его вассал – Малая Ногайская Орда, кочевавшая в Северном Причерноморье, а на Восточном Кавказе – другой вассал Крыма – Тарковский шамхал и кумыки. Кочевья степняков в то время не давали возможностей для развития земледелия в Нижнем Поволжье. Именно поэтому русское население Понизовья было вынуждено завозить хлеб и другие привычные им продукты земледелия из центральных районов России.

В 1601–1603 гг. Россию постигли неурожай и небывалый голод. На Волгу и Дон хлынул поток беглых людей, умноживший численность населения городов и вольных казачьих станиц. Одновременно поставки хлебопродуктов в Астрахань и крепости Нижнего Поволжья резко сократились. Местные жители оказались на грани разорения и голода. Дворяне и стрельцы из центральных городов России жадно внимали вестям и слухам, доходившим из родных мест, и под любым предлогом стремились вернуться к своим очагам. Недовольство властями среди населения Нижнего Поволжья, как и во всей России, достигло предела. Достаточно было искры, чтобы вспыхнул народный бунт. Этой искрой явилось вторжение в Россию самозванца – Григория Отрепьева, объявившего себя «царевичем Дмитрием Углицким – сыном Ивана Грозного»⁹. Самозванцу и его окружению легко удалось убедить народ, недавно переживший страшный голод, в том, что это была Божья кара за злодеяния Бориса Годунова и за его избрание царем в обход «законного наследника». Зазывал самозванец под свои знамена и вольных казаков Дона, Волги, Терека и Яика. «И, – как позднее отмечали русские послы, – донские казаки, воры, к нему пошли, а волженские и терские к нему не пошли»¹⁰.

В 1604 г. московские власти попытались овладеть Восточным Кавказом и закрепить сюзеренитет над кахетинскими владетелями в Закавказье. Русские войска должны были разгромить шамхала Тарковского и овладеть горными перевалами в районе современной Военно-Грузинской дороги, чтобы обеспечить безопасный проход в Грузию. Вольные волжские и терские казаки приняли широкое участие в боевых действиях и, по обычаю, получили у царских властей государево жалование. Яицкие казаки, как установил Р.Г. Скрынников, в это время ходили за зипунами в Среднюю Азию, захватили Ургенч, но были там перебиты. Военная акция царских войск на Кавказе закончилась полным провалом. Горские владетели, опираясь на турецкую помощь, разгромили русские войска и пленили многих воевод и воинов. Спасшиеся служилые люди, прежде всего вольные казаки, были разорены и ограблены до нитки, многим из них пришлось идти в холопы. Яркий пример тому – Илейка Коровин – впоследствии ставший самозванным царевичем Петром Федоровичем. Именно поэтому волна казачьих разбоев захлестнула Нижнее Поволжье.

Лжедмитрий I обратился с призывами собираться под его знамена одновременно к казакам и к их врагам ногаям, чем оттолкнул от себя казачью вольницу¹¹. Терцы, судя по распросным речам Лжепетра, в начале 1605 г. разделились. Некоторые казаки, например, Нагиба и Наметка, участвовали в неудачной попытке самозванца захватить Астрахань, другие, в частности, Неустройко, сохраняли верность Борису Годунову¹².

Весной 1605 г. «от казаков смута стала великая». Астрахань и другие города фактически оказались в осаде. Первый астраханский воевода Михаил Богданович Сабуров был шурином царевича Ивана Ивановича и однородцем Годуновых. Он прекрасно знал реальную ситуацию в царской семье и смог удержать положение в Астрахани под кон-

тролем, убедив астраханцев и служилых людей «служить царю, который на Москве будет»¹³. Таким образом, он первым в самом начале Смуты сформулировал принцип служения не личности, а Российскому государству; принцип, которым впоследствии будут руководствоваться многие русские патриоты, в том числе и кн. Д.М. Пожарский.

Только в Царицыне воровским казакам удалось добиться успеха. В местническом деле Пушкиных с Плещеевыми, изложенном в частной разрядной книге XVII в., сохранился рассказ, как начиналась Смута в этом городе: «как вор Расстрига пришел в Путивль во 113 году (ноябрь 1604 г. – *И.Т.*), а в Низовых городах Расстриге крест целовали, и в те поры Наума Плещеева царицынские казаки, связав, привели к Расстриге под Одоев, как Расстрига шол под Москву». Далее автор разрядной книги повествует о «героическом» поведении Н.М. Плещеева в стане самозванца. Царицынский воевода якобы отказался выполнить приказ Лжедмитрия I ехать с прелестными грамотами к Москве. Его будто бы связали и отвезли в столицу силой. На самом деле, как свидетельствуют очевидцы, Плещеев быстро добился «прощения» у самозванца и с помощью своего родственника Петра Басманова получил это ответственное поручение¹⁴.

Гаврила Пушкин и Наум Плещеев в окружении казаков атамана Корелы появились в Москве 1 июня 1605 г. Толпа москвичей проводила их на Лобное место, откуда посланцы самозванца зачитали прелестные грамоты. В этот момент посланцев Лжедмитрия I неожиданно поддержал окольный Богдан Бельский, заявивший народу, что он и есть тот «воспитатель», который «спас царевича». Это решило исход дела. Москвичи восстали и свергли Годуновых. Вскоре Григорий Отрепьев торжественно въехал в столицу и был венчан шапкой Мономаха¹⁵.

Взойдя на «отчий» престол, Лжедмитрий I отправил в ссылку Годуновых и их однородцев Вельяминовых и Сабуровых. Будучи астраханским воеводой, Михаил Сабуров летом 1605 г. принял у приставов «свою братию» Петра и Ивана Сабуровых и выделил им по двору¹⁶. В сентябре 1605 г., в соответствии с традицией, Лжедмитрий I произвел смену воевод в понизовых городах. М.Б. Сабуров был с честью принят при дворе и пожалован в бояре¹⁷. Правда, в Москве он не задержался и вскоре был назначен самозванцем на воеводство в Царев-Борисов¹⁸. Фактически это была почетная ссылка. В позднем, второй половины XVII в., «Житии первого астраханского архиепископа Феодосия» сообщается, что после отъезда М.Б. Сабурова владыка будто бы возглавил астраханцев и впоследствии стал соратником казанского митрополита Гермогена в борьбе против самозванца и его последователей¹⁹. Документальные источники, современные событиям, не содержат каких-либо данных на этот счет. Предположение В.И. Ульяновского, что Феодосий в это время находился в Москве, предпологается вполне правдоподобным²⁰. Скорее всего, в житии изложена местная благочестивая легенда.

В начале 1606 г. в понизовых городах на Тереке появился «свой» самозванец – Лжепетр – мнимый сын царя Федора Иоанновича. На допросе в царском застенке в Москве Лжепетр рассказал, как родилась самозванческая интрига, возложив всю вину за происшедшее на терских казаков, которые будто бы заставили его играть роль «царевича». Казаки, по словам Илейки Коровина, в конце 1605 г. начали готовиться в поход в Закавказье на Куру против турецких людей. Эти приготовления, по всей видимости, не были случайными. Лжедмитрий I намеревался в 1606 г. предпринять широкомасштабную войну против «неверных» турок и крымчаков, и казаки могли рассчитывать на получение жалования. Но самозванец терским казакам никакого жалования не прислал. Казаки, как указывает Илейка Коровин, решили, что в их бедах повинны «лихие бояре», обманувшие царя. На войсковом круге возобладало предложение атамана Федора Бодырина и его товарищей, которые убедили казаков идти к царю в Москву искать справедливости²¹. В то время любое продвижение по Тереку и Волге мимо городов и крепостей со значительными гарнизонами было невозможно без специального разрешения царя²². Воеводы из «лихих бояр» наверняка воспрепятствовали бы казакам пройти в столицу. Потому-то терцы и придумали выдвинуть из своей среды нового самозванца – «царевича Петра Федоровича»²³. Сопровождение «принца крови», пусть мнимого, давало весьма удобный повод для похода на Москву и открывало широкие

возможности для оправданий перед «царем Дмитрием»²⁴. В конце концов выбор пал на Илейку Коровина, потому что он бывал в столице²⁵. Лжепетр, в отличие от Лжедмитрия I, был не инициатором и вождем нового движения, а лишь его символом²⁶.

После принятого на круге решения казаки отправили в Москву гонца к Лжедмитрию с известиями о «царевиче Петре». Судя по последующей реакции на грамоту, они ограничились сообщением о нем и попросили разрешения прибыть в Москву. Не дожидаясь ответа, станичники выступили в поход. Отряд Федора Бодырина, по словам самозванца, двинулся вниз по Тереку к Астрахани. Терский воевода П.П. Головин едва уговорил часть терских казаков остаться для обороны российского пограничья на Восточном Кавказе. Новый астраханский воевода окольничий кн. И.Д. Хворостинин не пустил казаков в город, но и не пытался их остановить. Повстанцы двинулись вверх по Волге, пополняя свои отряды волжскими и донскими казаками и беглым людом²⁷. Автор «Нового летописца» обвинил «казацкого царевича» в убийстве царицынского воеводы Ф.П. Чудинова-Акинфова и русского посла в Персию кн. И.П. Ромодановского²⁸, но этот рассказ недостоверен. Источники разного происхождения свидетельствуют, что воевода и посол погибли позднее – летом 1607 г.²⁹ Казаки, препровождая Лжепетра к Лжедмитрию I, по-видимому, старались не давать «лихим боярам» повода для обвинений в измене «царю Дмитрию». Это, судя по всему, и помогло им беспрепятственно миновать недавно построенные волжские крепости Царицын и Саратов и получить в Самаре у посланца Лжедмитрия I, Третьяка Юрлова, проезжие грамоты с приказом идти в Москву «наспех»³⁰. Лжедмитрий I, вероятно, понял, что репрессии властей против казаков на Волге могут привести к непоправимым последствиям. В Москве же Лжепетра легко можно было разоблачить и устранить, а его казаков использовать против назревающего боярского заговора³¹.

Грамоты Лжедмитрия I убрали последние формальные препятствия на пути в Москву и, вероятно, убедили казаков в успехе затеянного дела. Повстанцы поплыли к Казани³². Благодаря грамотам они смогли избежать столкновения с правительственным войском боярина Ф.И. Шереметева, которое, как установил И.И. Смирнов, Лжедмитрий I отправил из Казани в Астрахань в связи с намечавшейся войной с Турцией³³. Встреча, по-видимому, произошла где-то между Казанью и Самарой, до прибытия правительственного войска в Самару, где 25 июня (5 июля) 1606 г. Шереметев узнал о гибели Лжедмитрия I³⁴. Казаки к тому времени смогли беспрепятственно миновать Казань, Свияжск и достигли Вязовых гор, где получили весть о том, что в Москве «лихие бояре» убили доброго царя Дмитрия³⁵. До этого момента Лжепетр и его товарищи неизменно выступали за «царя Дмитрия» и проявляли лояльность к местным властям. Перемены, происшедшие в столице, поставили Лжепетра и казаков в чрезвычайно затруднительное положение. Все прежние планы добиться справедливости у Лжедмитрия I рухнули. Казаки оказались перед выбором: смириться со своей долей и выдать Лжепетра или вступить в открытый конфликт с правительством в чрезвычайно неблагоприятных обстоятельствах. Ф. Бодырин и его товарищи не желали отказаться от борьбы с «лихими боярами», погубившими «царя Дмитрия», но они прекрасно понимали, что, в случае открытого неповиновения властям, обречены на гибель. Казаки решили пойти на хитрость. Они вернулись к Казани и отправили в город Т. Юрлова с известием, что готовы выдать Лжепетра властям. Усыпив бдительность воевод, отряд казаков темной летней ночью, прикрываясь горным (правым) берегом Волги, миновал Казань³⁶. Вырвавшись из западни, казаки, вместо «препровождения», начали «служить» Лжепетру.

В августе 1606 г., как отмечали польские авторы, до Москвы дошли вести о разбоях, учиненных Лжепетром и казаками в Поволжье³⁷. Баим Болтин свидетельствует, что на обратном пути казаки, «едучи Волгою на встрече всяких служивых людей побивали до смерти и грабили»³⁸. Аналогичные сведения приводит Иссак Масса, записавший, что Лжепетр «причинял много вреда, грабя нагруженные товарами корабли шедшие из Астрахани, и творя убытки на миллионы»³⁹. Жак Маржерет отметил в своих записках, что «казаки захватили и разграбили три замка вдоль Волги»⁴⁰. Илейка Коровин позднее в своих показаниях ничего не сообщил о захвате Самары, Саратова и Царицына.

Казачи, по его словам, не доходя Царицына, свернули с Волги и поднялись вверх по р. Камышинке, переволоклись на р. Иловлю, а затем ушли на Дон. Его показания полностью подтвердил Б. Болтин, засвидетельствовавший, что Самару и Саратов казаки просто «проехали»⁴¹. Таким образом, потеряв надежду добиться справедливости мирным путем, казаки перешли к разбою.

Источники позволяют выяснить причину ухода казаков на Дон. Царь Василий Шуйский, как видно из материалов Посольского приказа, известив боярина Ф.И. Шереметева о смерти Лжедмитрия I, приказал ему продолжить движение к Астрахани. 24 июля 1606 г. правительственное войско прибыло в Царицын. Путь Лжепетру и «воровским» казакам на Астрахань и Терек по Волге был закрыт. О возвращении в Казань не могло быть и речи. Бегство на Дон было единственной возможностью для «воровских» казаков избежать столкновения с правительственными отрядами. Вероятно, Лжепетр и его товарищи покинули Волгу к 24 июля 1606 г., когда казанские воеводы, видимо, узнав о бегстве разбойников, рискнули отпустить в Астрахань караван с персидским и русским посольствами, которые беспрепятственно достигли Царицына 20 августа 1607 г.⁴²

В первой половине июня 1606 г. жители понизовых городов, подобно населению других городов и уездов России, получили грамоты с известием об убийстве Лжедмитрия I и воцарении Василия Шуйского⁴³. Одновременно поползли слухи, что царь Дмитрий спасся и скоро свергнет узурпатора, поэтому во время присяги новому царю многие астраханцы уклонились от крестного целования. Масла в огонь подлило то обстоятельство, что к Астрахани приближался назначенный воеводой еще Лжедмитрием I боярин Шереметев, чьи полномочия были подтверждены новым царем, но вся сопроводительная документация, судя по всему, была написана от имени самозванца⁴⁴. 17 июня 1606 г. в городе появился стрелец В. Еремеев из каравана Шереметева с проезжей грамотой самозванца. Этого оказалось достаточно, чтобы астраханцы, не посмотрев на дату отправки грамоты, подняли восстание против Василия Шуйского и убили организаторов присяги новому царю дьяка А. Карпова и посла к ногаям Т. Кашкарова, а других приверженцев нового царя посадили в тюрьму⁴⁵.

Говоря об участии в июньских событиях окольного кн. И.Д. Хворостинина, Смирнов высказал предположение, что воевода сыграл в Астрахани ту же роль, что кн. Г.П. Шаховский в Путивле⁴⁶. Но источники молчат об участии кн. Хворостинина в этих событиях; даже его враги ограничиваются скудным замечанием, что он «в те поры» был астраханским воеводой⁴⁷. Говорить о кн. Хворостинине как организаторе восстания в Астрахани на том основании, что он впоследствии стал «воровским» боярином, нет достаточных оснований.

Новый воевода боярин Ф.И. Шереметев со своим небольшим войском был вынужден остановиться в Царицыне⁴⁸, откуда безуспешно убеждал астраханцев в том, что они допустили ошибку, целовав крест мертвецу. Ситуация не изменилась, когда воевода и его войско прибыли к стенам Астрахани. Волей-неволей Шереметеву пришлось стать лагерем на острове Балчике в 15 верстах от Астрахани и заняться организацией осады города⁴⁹. Примечательно, что к нему из Астрахани и из других «мест по берегам Каспийского моря» бежало около 1.5 тыс. купцов⁵⁰. Если учесть, что основной движущей силой астраханского восстания источники называют «мелких многих людей» астраханцев⁵¹, то можно высказать осторожное предположение, что в Астрахани произошел открытый конфликт между «большими» и «меньшими» людьми. Источники также зафиксировали столкновения горожан с «воровскими» казаками: «рознь и бой был у астраханских людей меж себя с воровскими казаки, и астраханские люди казаков пограбили и суды у них поймали»⁵². Наличие в восставшем городе трех противоборствующих сил (больших, меньших людей и казаков) и появление «своих» самозванцев наводит на мысль об аналогии процессов, протекавших в Астрахани, с событиями во Пскове и Новгороде Великом в 1606–1613 гг.⁵³

Серьезной проблемой для астраханских повстанцев как и для «болотниковцев», стало отсутствие «чудом спасшегося царя Дмитрия». Выход был найден уже летом

1606 г., когда в главном городе Нижнего Поволжья водворились сразу три самозванца – казахи «царевичи» Иван-Август, Лавр и Осиновик⁵⁴. Лжеиван-Август заявил астраханцам, что якобы является сыном царя Ивана Грозного и Анны Колтовской, Лжелавр, судя по грамоте Лжедмитрия II в Смоленск 24 апреля 1608 г., называл себя внуком Ивана Грозного, сыном царевича Ивана Ивановича и Елены Шереметевой. «Новый летописец» утверждает, что Лжеосиновик объявил себя внуком Грозного, а Лжелавр – сыном царя Федора Иоановича. Подлинные имена самозванцев неизвестны, хотя современники прекрасно знали, кем они были до того, как стали казаками: «иной боярский человек (холоп. – *И.Т.*), а иной мужик пашенной (крестьянин. – *И.Т.*)»⁵⁵.

Утвердившись в Астрахани, Лжеиван-Август, Лжелавр и Лжеосиновик, как заметил Смирнов, стали судить и миловать пленных, содержавшихся в астраханских застенках, как «принцы крови». Те, кто принес присягу «царю Дмитрию и его племяннику», получили у самозванцев воеводские чины, те же, кто отказался им служить – были казнены. Смирнов видел в этом полную аналогию путивльским событиям при Лжепетре и усиление классовой борьбы в повстанческом лагере⁵⁶. Скрынников обратил внимание на то, что как только повстанцы выдвигали из своей среды самозванца, при нем тотчас появлялись «воровские» бояре и воеводы из представителей знатных родов⁵⁷. Не были исключением и понизовые города. После появления самозванцев кн. И.Д. Хворостинин обрел чин «боярина и воеводы»⁵⁸. Вероятно, получил «воровской» думный чин и воевода захваченных повстанцами Терок П.П. Головин-Меньшой⁵⁹. Скрынников полагал, что налицо тенденция к созданию в повстанческом лагере институтов государственной власти, аналогичных существовавшим в Москве и свидетельствующим о перерождении повстанческого движения⁶⁰. На наш взгляд, о перерождении повстанческого движения можно было бы говорить, если бы восставшие имели революционную программу, а затем от нее отказались в корыстных интересах. Повстанцы же изначально ставили перед собой цель посадить на престол «своего» царя Дмитрия и с его помощью вернуть себе статус служилого человека или занять более высокое место в служебной иерархии в соответствии с личными заслугами. Ни о каком социальном переустройстве Московского царства речи не было.

Противостояние правительственных и повстанческих сил в Астрахани затянулось почти на два года. Русские послы в Речи Посполитой в конце 1606 г. прямо заявили, что волжские и терские казаки, действуя именем «царя Дмитрия», многих торговых людей «побивали, и пограбили, и многие товары и деньги и несчетную казну взяли – больше десяти сот тысяч золотых польских, а русским числом больше 300 000 рублей»⁶¹. Торговое судоходство по Волге было фактически парализовано. Постепенно инициатива перешла от правительственных сил к повстанцам. 6 сентября 1606 г. астраханские люди, терские, волжские, донские и яицкие казаки «з большим верховым нарядом» атаковали укрепленный лагерь Ф.И. Шереметева на острове Балчик, но разгромить его не смогли⁶².

Тем временем в Царицыне, в ожидании, когда Астрахань «добьет царю Василию челом», находился огромный караван персидского посла, возвращавшегося из России, русское посольство в Персию, свита направляющегося в Астрахань архиепископа Феодосия, монахи-кармелиты, купцы из разных стран и городов. Все они были вынуждены зимовать в Царицыне в ожидании, чем закончится противостояние правительственного войска и восставших астраханцев. Кармелиты красочно описали в своих посланиях лишения и напасти, которые они пережили в маленьком волжском городке. В частности, они жаловались, что из-за отсутствия в городе достаточного жилья им пришлось вместе с переводчиками (всего восемь человек) жить в одной-единственной комнате. Действительно, зимовка столь значительного каравана была настоящим бедствием не только для кармелитов, но и для жителей города. В мирное время зимой 1600–1601 гг. в Саратове стоял гораздо меньший караван с персидскими послами. Воеводские отписки свидетельствуют, что уже через несколько недель все запасы в крепости были на исходе, и население оказалось на грани голода. Пришлось принимать срочные меры, чтобы не допустить народного бунта⁶³. В Царицыне ситуация была еще более тяжелой.

В мае 1607 г. обстановка в городе накалилась до предела. Воевода Ф.П. Чудинов-Акинфов, первый посол кн. И.П. Ромодановский и дворяне твердо настаивали на сохранении верности Василию Шуйскому. Второй посол, сын боярский Иванис Есипов, возглавил заговорщиков. 24 мая (3 июня) 1607 г. в Царицын из Астрахани гонцы привезли отписку, к которой была приложена скрепленная красной государевой печатью грамота «царя Дмитрия». Историки установили, что эти грамоты рассылал скрывшийся в Самборе бывший любимец Лжедмитрия I М.А. Молчанов⁶⁴. Воеводе и первому послу с трудом удалось успокоить народ. Но два дня спустя посреди ночи удары колокола и звуки труб подняли на ноги жителей Царицына. Когда народ собрался на городской площади, заговорщики во главе с Есиповым повели толпу к воеводской избе и на подворье, где стоял первый московский посол. Сохранявшие верность царю Василию Чудинов-Акинфов и кн. Ромодановский с сыновьями были схвачены. Горожане целовали крест «царю Дмитрию». Есипов стал воеводой в восставшем городе. В Астрахань были отправлены послы с известием о происшедшем и челобитьем «царским племянникам» – самозванцам Лжеивану-Августу, Лжелавру и Лжеосиновичу⁶⁵. Лжеиван-Август прислал в город своих чиновников, которые провели следствие. Пленных приверженцев Василия Шуйского подвергли порке и казням. Самозванец приказал доставить воеводу Чудинова-Акинфова в Астрахань, где он был сброшен с «раската» – одной из крепостных башен Астрахани⁶⁶, а его сын Архип заключен в тюрьму⁶⁷.

Восстание в Царицыне резко изменило ситуацию в Нижнем Поволжье в пользу повстанцев. Гарнизон крепости, усиленный отрядом казаков, нанес серьезное поражение правительственному отряду, который вез снаряжение и продовольствие правительственному войску, и захватил богатые трофеи. Боярин Шереметев, узнав, что пути снабжения его войска перерезаны, попытался добиться перехода на свою сторону Царицынской крепости, организовав заговор среди жителей. Однако повстанцам удалось его раскрыть. Все участники заговора были казнены. Тогда воевода отправил против мятежных жителей волжского городка крупный отряд правительственных войск. На помощь жителям Царицына из Астрахани во главе семитысячного войска выступил самозванец Иван-Август. Караван с персидским посольством и кармелитами повстречал его на волжском острове Ичкиборе. Повстанцы учинили суд и расправу над плененным в Царицыне послом кн. Ромодановским и его сыном, наотрез отказавшимися целовать крест «царю Дмитрию» и его «племяннику». Монахи-кармелиты просили Ивана-Августа помиловать кн. Ромодановского, но самозванец заявил им, что не может совладать со своими казаками, и осужденные были казнены⁶⁸.

Советские историки полагали, что движение «казацких царевичей» явилось ярким проявлением антифеодальной борьбы на завершающей стадии восстания И. Болотникова, о чем, по их мнению, свидетельствуют социальное происхождение казаков и казни дворян. Но при этом не учитывается, что астраханцы подняли восстание против Василия Шуйского именем «царя Дмитрия», и местные самозванцы, как и Лжепетр, никогда не претендовали на то, чтобы занять место «дяди». В охваченных восстанием Астрахани, Терках и Царицыне действовали в «воровских» чинах воеводы – члены Государева двора. Персидскому послу и кармелитам Лжеиван-Август разрешил уехать в Персию⁶⁹.

Появление в Царицыне войска Ивана-Августа, по всей видимости, помогло его жителям отбить нападение правительственного отряда. Развивая достигнутый успех, самозванец попытался захватить Саратовскую крепость, но, потерпев неудачу, был вынужден отступить и вернулся в Астрахань⁷⁰. Ответственность за неудачу Иван-Август, по-видимому, возложил на самозванца Осиновика, который был повешен на Волге⁷¹.

Восстание против Василия Шуйского и расправа над воеводой, послом и дворянами дорого стоили жителям Царицына. Вначале осени 1607 г. воевода Шереметев снял осаду Астрахани и двинулся вверх по Волге. Отряды правительственных войск окружили Царицын и 24 октября (3 ноября) 1607 г. штурмом овладели городом⁷². Захватив Царицын, Шереметев смог восстановить снабжение правительственного войска и зимовал в городе в надежде весной 1608 г., получив помощь от ногайцев, возобновить

наступление на Астрахань⁷³. В конце 1607 – начале 1608 г. он предпринял еще одну попытку убедить астраханцев подчиниться царю Василию. В Астрахань и на Терек были направлены плененные в Туле астраханские стрельцы и терские казаки Костька Матвеев и Ивашка Симанов с товарищами. В окрестностях Астрахани они были встречены «воровским» атаманом Федотом Болдырем и отведены в Астрахань. Выслушав царскую грамоту и рассказы земляков – бывших «тульских» сидельцев, астраханцы стали склоняться к тому, чтобы принести повинную Шуйскому. В это время в Астрахани появились казаки Ясай Юрьев и Ивашка Анисимов с товарищами, которые заявили, что Тула действительно пала, но сам «царь Дмитрий» в настоящее время зимует и собирается с силами в Орле. Настроение астраханцев резко изменилось. Посланцы Шереметева были вынуждены бежать в Царицын, куда явились 12 января 1608 г. Астраханцы решили направить к Лжедмитрию II стрелецкого голову Петра Уварова, а с ним астраханских стрельцов и 150 человек юртовских татар⁷⁴. Вместе с ними уехали прожившие три года в Астрахани персидские послы в Речь Посполитую и нахичеванский католический архиепископ Августин Баджеци, оставившие описания этого путешествия. Поскольку по Волге проезд был невозможен, отряд Уварова отправился к Москве степью, переправился через Дон и достиг Калуги⁷⁵.

Весной 1608 г. отряды Лжедмитрия II нанесли тяжелое поражение правительственным войскам под Болховым, в начале июня подошли к Москве и стали лагерем в Тушино. Сюда-то и прибыли астраханцы, персидские послы и нахичеванский архиепископ. Послы были приняты с честью гетманом Р. Ружинским и отправлены в Речь Посполитую с посланиями самозванца к королю⁷⁶. Уваров и его товарищи, по всей видимости, вернулись в Астрахань и уверили повстанцев, что «царь Дмитрий» действительно жив и вот-вот возьмет Москву.

Попытки Василия Шуйского и его братьев летом–осенью 1608 г. разгромить повстанцев в ходе Ходынского и Рахманцевского сражений закончились неудачей и фактическим распадом правительственного войска. Большая часть страны оказалась в руках приверженцев самозванца. Немногие сторонники Шуйского были осаждены в Москве, Новгороде Великом, Смоленске, Казани, Нижнем Новгороде, Коломне, Троице-Сергиевом и Иосифо-Волоколамском монастырях. В сложившихся условиях царь Василий отдал приказ боярину Шереметеву срочно идти к Москве на помощь разгромленным правительственным силам. Воевода приказал сжечь Царицын, чтобы не оставить его врагам, и повел войско вверх по Волге. С боями ему удалось пробиться в Казань на исходе осени 1608 г.⁷⁷ Видимо, получив через П. Уварова и его товарищей приказ Лжедмитрия II, следом за войском Шереметева к Москве выступил отряд астраханских и царицынских стрельцов и вольных казаков, возглавляемый самозванцами Иваном-Августом и Лавром. Летом 1608 г. астраханские ратники, судя по всему, соединились с отрядом тушинского полковника А.И. Лисовского и вместе с ним прибыли под Москву в Тушино. «Царик» не стал церемониться со своими мнимыми родственниками и приказал повесить Лжеивана-Августа и Лжелавра у Московской дороги⁷⁸. Сопровождавшие их воины влились в состав отряда Лисовского и приняли активное участие в боях между тушинцами и земцами в Замосковье в 1608–1609 гг.⁷⁹ В конце 1609 – начале 1610 г. многие из них, разочаровавшись в самозванце и окружавших его наемниках, вернулись в Понизовье⁸⁰.

Источники содержат мало сведений о том, что происходило в понизовых городах после ухода отсюда войска Ф.И. Шереметева и отряда Ивана-Августа. В феврале 1609 г. гетман Я. Сапега принял в лагере у Троице-Сергиева монастыря посольство саратовцев, которые ехали в Тушино бить от всего города челом Лжедмитрию II⁸¹. Видимо, получив короткую передышку, население Понизовья попыталось наладить мирную жизнь. Во второй половине 1610 г. Лжедмитрий II после двух неудачных походов на Москву уверился, что сможет добиться своего с помощью татар и турок, и даже сделал некоторые практические шаги в этом направлении. Он приказал воеводе кн. И.М. Барятинскому собрать отряды своих приверженцев из Рязани, Арзамаса, Шацка в Воронеже и подготовить в этой крепости свою новую столицу⁸². Одновременно он отправил в Астрахань

полковника Я. Кернозицкого с приказом боярину кн. Хворостинину подготовить город на случай отступления сюда своих войск. Как отнеслись к этим планам жители Астрахани и других городов Понизовья – неизвестно. Волна репрессий, захлестнувшая города и уезды, контролируемые приверженцами самозванца⁸³, в строгом соответствии с законами террора погубила самого Лжедмитрия II, павшего 11(21) декабря 1610 г. от сабли кн. П. Урусова.

В начале 1611 г. Прокопий Ляпунов, призывая русских людей создать земское ополчение и изгнать из Москвы иноземцев, обратился к жителям Понизовья и вольным казакам с просьбой прийти на помощь земщине центральных уездов⁸⁴. Источники не содержат данных об участии в I или II Ополчениях отрядов служилых людей из понизовых городов или вольных казаков с Дона, Волги, Терека и Яика. Понизовье явно жило своей отдельной от всей страны жизнью. В январе 1612 г. «седмочисленные бояре» отметили в своей окружной грамоте появление в Астрахани Лжедмитрия IV⁸⁵. Видимо, по этой причине астраханцы и жители других понизовых городов не принимали участия в работе Земского собора 1613 г.

В конце марта 1613 г. Земский собор направил к бывшему вождю I Ополчения «боярину» И.М. Заруцкому, контролировавшему рязанские пригороды, украинные и полевые города и поддерживавшему тесные отношения с понизовыми городами, авторитетных казачьих атаманов В. Медведя, Т. Иванова и Б. Твердикова с предложением целовать крест новому царю. На казачьем круге, созванном в Епифани весной 1613 г., «боярину»-атаману удалось одержать победу и настоять на сохранении верности «царице» Марине Мнишек и «Воренку». Московские власти направили против Заруцкого войско во главе с боярином кн. И.Н. Одоевским, которое вытеснило мятежников с Рязанщины. Атаман попытался закрепиться в Воронеже и запросил помощи у Войска Донского, но войсковые атаманы С. Чертенский и Е. Радилов, получившие жалование от царя Михаила, ответили решительным отказом. В ходе решающего сражения между правительственным войском и отрядами Заруцкого у Воронежа 29 июня – 3 июля 1613 г. мятежный атаман потерпел сокрушительное поражение. Большая часть казачьего войска (2 250 человек) перешла на сторону правительства. Сам Заруцкий с небольшим отрядом ушел в Астрахань⁸⁶.

В 1613 г. в Самару, признавшую власть царя М.Ф. Романова, неожиданно «прибежали душой и телом» около 200 саратовцев и сообщили, что внезапно их город подвергся нападению и сожжен врагами. Кто был этим врагом, в источниках не говорится⁸⁷. По времени это совпадает с походом отряда Заруцкого из-под Воронежа в Астрахань. Вероятно, саратовцы, как и жители Самары, присягнули Михаилу Федоровичу, за что и поплотились⁸⁸. Водворившийся в Астрахани Заруцкий, видимо, отнюдь не был хозяином положения. Об этом красноречиво свидетельствует единственная дошедшая до нас челобитная, адресованная «царю Дмитрию Ивановичу, царице Марине Юрьевне и царевичу Ивану Дмитриевичу»⁸⁹. М. Мнишек и ее фавориту Заруцкому, как и в случае с Лжедмитрием III, вновь пришлось признать в местном самозванце «царя и мужа». В сентябре 1613 г. Лжедмитрий IV по слухам, полученным вольными казаками на Дону, будто бы находился в Персии⁹⁰. Со временем Заруцкому удалось подготовить переворот и отстранить местных повстанцев от власти. Воевода кн. И.Д. Хворостинин и его сторонники были казнены. Устранение конкурента, как и в случае с Псковским вором, не спасло положение. Астраханцы возненавидели Заруцкого за расправу над своим воеводой и за то, что он отдал детей и жен видных астраханцев в заложники ногайскому князю Иштереку⁹¹. В свою очередь Иштерек не мог простить Заруцкому того, что он потребовал отдать детей князя в аманаты в Астрахань⁹². Узнав о приближении к городу правительственного войска кн. Одоевского, астраханцы более не захотели сопротивляться московским властям. Заруцкий, М. Мнишек с «Воренком» и несколькими сотнями казаков бежали на Яик, где 24 июня 1614 г. были схвачены на Межевьем острове и выданы царю. В Москве Заруцкий и «Воренок» были казнены, а М. Мнишек умерла «с тоски» в тюрьме.

Смута дорого стоила жителям Понизовья. Саратов и Царицын лежали в пепле. Сторожевая служба на Волге и Тереке пришла в упадок. Повсеместно на речных и

степных путях бесчинствовали разбойники. Рыбные ловли и соляные промыслы были заброшены. Население края, как оседлое, так и кочевое, резко сократилось. В Приуралье появились кочевья калмыков, которые во второй четверти XVII в. вытеснят ослабленных ногаев из Нижнего Поволжья в Кубанские степи. Предстояла большая созидательная работа по преодолению разрухи, царившей в крае. В 1614 г. на правом берегу Волги был заново построен Царицын. В 1617 г., также на новом месте, на левом берегу Волги, был возведен Саратов. В начале 1620-х гг. удалось восстановить сторожевую службу и навести порядок на Волге. Волжские казаки были окончательно вытеснены на Дон, Терек и Яик, где из них стали складываться Донское, Терское и Яицкое вольные казачьи войска.

Примечания

- ¹ *Смирнов И.И.* Восстание И.И. Болотникова 1606–1607 гг. М.; Л., 1951. С. 231.
- ² *Berthold-Ignace de Sainte-Anne, Reverend Pere.* Histoire de L'Etablissement de la Mission de Perse par les Peres Carmes-Dechausses (de l'année 1604 à 1612). Brussel, 1886. P. 150–151.
- ³ Английские путешественники в Московском государстве в XVI в. Л., 1937. С. 253–254.
- ⁴ Хождение купца Федора Котова в Персию. М., 1958. С. 9.
- ⁵ Архив Санкт-Петербургского института истории РАН (далее – АСПБии РАН), ф. 178 (Астраханская приказная палата), оп. 1, ч. 1, д. 64.
- ⁶ Разрядные книги 1598–1638 гг. М., 1974. С. 151.
- ⁷ Описание архива Посольского приказа 1626 года. Ч. 2. М., 1977. С. 414.
- ⁸ *Дубман Э.* Князь Григорий Засекин. Хроника жизни и деятельности строителя волжских городов. Самара, 1995. С. 70; *Козлов С.* Кавказ в судьбах казачества (XVI–XVIII). СПб., 2002. С. 12.
- ⁹ *Скрынников Р.Г.* Социально-политическая борьба в Русском государстве в начале XVII в. Л., 1985. С. 87–88.
- ¹⁰ Сборник Императорского Русского исторического общества (далее – Сб. РИО). Т. 137. М., 1912. С. 352.
- ¹¹ *Скрынников Р.Г.* Социально-политическая борьба... С. 238.
- ¹² Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией (далее – ААЭ). Ч. 2. СПб., 1836. № 81.2. С. 173–175; *Белокуров С.А.* Сношения России с Кавказом. Вып. 1. СПб., 1889. С. 446.
- ¹³ *Масса И.* Краткое известие о Московии в начале XVII в. М., 1937. С. 109.
- ¹⁴ Счетное дело В.Н. Пушкина с А.О. Плещеевым // Временник Московского общества истории и древностей Российских. Т. 14. М., 1851. С. 64–65, 140–141.
- ¹⁵ *Скрынников Р.Г.* Самозванцы в России в начале XVII в.: Григорий Отрепьев. Новосибирск, 1987. С. 127–128.
- ¹⁶ *Белокуров С.А.* Разрядные записи за Смутное время. М., 1907. С. 202.
- ¹⁷ Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел (далее – СГГД). Ч. 2. СПб., 1819. С. 96.
- ¹⁸ *Белокуров С.А.* Разрядные записи... С. 6, 8, 30.
- ¹⁹ *Смирнов И.И.* Указ. соч. С. 219.
- ²⁰ *Ульяновский В.И.* Смутное время. М., 2006. С. 111.
- ²¹ ААЭ. Ч. 2. № 81.2. С. 173–175.
- ²² Памятники дипломатических сношений Московской Руси с Персией (далее – ПДС). Т. 2. СПб., 1892. С. 56 и др.
- ²³ ААЭ. Ч. 2. № 81.2. С. 173–175.
- ²⁴ Там же; *Болтин Б.* Записки // *Попов А.* Изборник славянских русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции. М., 1869. С. 330.
- ²⁵ *Веселовский С.Б.* Дьяки и подьячие XVI–XVII вв. М., 1975. С. 318–319.
- ²⁶ ААЭ. Ч. 2. № 81.2; Россия начала XVII в.: Записки капитана Маржерета. М., 1982. С. 180–181.
- ²⁷ ААЭ. Ч. 2. № 81.2; Россия начала XVII в. ... С. 222.
- ²⁸ Новый летописец // ПСРЛ. Т. 14. СПб., 1910. С. 74.
- ²⁹ *Герасимов А.А.* Материалы по истории Саратовского Поволжья // Труды Саратовской ученой архивной комиссии. Вып. 29. Саратов, 1912. С. 63; A chronicle of the carmelites in Persia

and the Papal mission of XVII-th and XVIII-th centuries. London. 1939. Vol. 1. P. 111–112; Синодик убиенных во брани // *Бычкова М.Е.* Состав класса феодалов России в XVI в. М., 1986. С. 185.

³⁰ ААЭ. Ч. 2. № 81.2; Россия начала XVII в. ... С. 222.

³¹ Новый летописец. С. 78.

³² ААЭ. Ч. 2. № 81.2.

³³ *Смирнов И.И.* Указ. соч. С. 224–226.

³⁴ Акты времени правления царя Василия Шуйского 1606–1610 гг. (далее – Акты Шуйского). М., 1915. С. 201–202.

³⁵ Новый летописец. С. 71; *Болтин Б.* Указ. соч. С. 330–331.

³⁶ *Болтин Б.* Указ. соч. С. 330–331.

³⁷ Дневник польских послов // Сказание современников о Дмитрие Самозванце. Ч. 2. СПб., 1859. С. 177; *Рожнятовский А.* Дневник М. Мнишек. СПб., 1995. С. 71; *Немоевский С.* Памятник // *Титов А.А.* Рукописи славянские и русские, принадлежащие И.А. Вахрамееву. Вып. 6. М., 1907. С. 119–120.

³⁸ ААЭ. Ч. 2. № 81.2; *Болтин Б.* Указ. соч. С. 330–331.

³⁹ *Масса И.* Указ. соч. С. 150.

⁴⁰ Россия начала XVII в. ... С. 222.

⁴¹ ААЭ. Ч. 2. № 81.2; *Болтин Б.* Указ. соч. С. 30–31.

⁴² Акты Шуйского. С. 202.

⁴³ Там же; Новый летописец. С. 69.

⁴⁴ *Смирнов И.И.* Указ. соч. С. 225–229.

⁴⁵ Акты Шуйского. С. 202–203; Новый летописец. С. 69.

⁴⁶ *Смирнов И.И.* Указ. соч. С. 229.

⁴⁷ *Болтин Б.* Указ. соч. С. 330.

⁴⁸ Акты Шуйского. С. 157.

⁴⁹ Там же. С. 203; Новый летописец. С. 72.

⁵⁰ *Масса И.* Указ. соч. С. 153.

⁵¹ Новый летописец. С. 72.

⁵² Акты Шуйского. С. 161–162.

⁵³ *Тюменцев И.О.* Смутное время в России в начале XVII ст.: движение Лжедмитрия II. М., 2008. С. 264–273.

⁵⁴ *Скрынников Р.Г.* Смута в России... С. 74–162.

⁵⁵ *Бутурлин Д.* История Смутного времени. Т. 2. СПб., 1841. Приложение 7; Новый летописец. С. 78; *Болтин Б.* Указ. соч. С. 339.

⁵⁶ *Смирнов И.И.* Указ. соч. С. 234–237.

⁵⁷ *Скрынников Р.Г.* Смута в России... С. 156–160.

⁵⁸ СГД, Ч. 2. № 155.

⁵⁹ Акты Шуйского. С. 169.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Сб. РИО. Т. 137. С. 351–352.

⁶² Акты Шуйского. С. 161, 203.

⁶³ ПДС. Т. 2. С. 75–76, 107–120 и др.

⁶⁴ *Скрынников Р.Г.* Смута в России... С. 65–68.

⁶⁵ *Berthold-Ignace.* Op. cit. P. 182–186.

⁶⁶ *Смирнов И.И.* Указ. соч. С. 244–245, 253.

⁶⁷ *Герасимов А.А.* Материалы... С. 63; *Berthold-Ignace.* Op. cit. P. 182–186.

⁶⁸ *Berthold-Ignace.* Op. cit. P. 182–186.

⁶⁹ Синодик убиенных во бранех. С. 185; *Berthold-Ignace.* Op. cit. P. 193–195.

⁷⁰ *Болтин Б.* Указ. соч. С. 339.

⁷¹ Новый летописец. С. 89.

⁷² Акты Шуйского. № 93. С. 163, 177.

⁷³ Там же. С. 163–177.

⁷⁴ Там же. С. 180–181.

⁷⁵ ПДС. С. 209–217; *Баджеци А.* Жизнь фра Августина священника // Журнал Министерства народного просвещения. 1902. Ч. 344. № 11. С. 35–43.

⁷⁶ ПДС. С. 209–217; *Баджеци А.* Указ. соч. С. 35–43.

⁷⁷ *Ермолаев И.П.* Среднее Поволжье во второй половине XVI–XVII вв. Казань, 1982. С. 79.

⁷⁸ Новый летописец. С. 89.

⁷⁹ Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. 2. СПб., 1841. № 239. С. 281–282.

⁸⁰ Там же; АСПБИН РАН, ф. 124 (Коллекция С.В. Соловьева), оп. 2, д. 472.

⁸¹ *Sapieha J.P. Dziennik // Hirschberg A. Polska a Moskwa w pierwszej połowie wieku XVII.* Lwów, 1901. Т. 1. S. 205.

⁸² *Сухотин Л.М.* Земельные пожалования при царе Владиславе. М., 1911. С. XXIII–XXV.

⁸³ *Буссов К.* Московская хроника 1584–1613 гг. М.; Л., 1961. С. 177.

⁸⁴ ААЭ. Т. 2. С. 326–327.

⁸⁵ СГГД. Ч. 2. № 277. С. 585.

⁸⁶ *Станиславский А.Л.* Гражданская война в России XVII в.: Казачество на переломе истории. М., 1990. С. 72–77.

⁸⁷ *Осипов В.А.* Очерки по истории Саратовского края. Конец XVI–XVII вв. Саратов, 1976. С. 32.

⁸⁸ АСПБИН РАН, ф. 178, оп. 1, д. 109.

⁸⁹ РГАДА, ф. 89, д. 1 (1613 г.), л. 161–162; АСПБИН РАН, ф. 178, оп. 1, д. 234, л. 1 об.

⁹⁰ *Станиславский А.Л.* Указ. соч. С. 78.

⁹¹ АСПБИН РАН, ф. 178, оп. 1, ч. 1, д. 109.

⁹² Там же, д. 485.

© 2012 г. В. А. АРАКЧЕЕВ*

ЗЕМСКАЯ ИНИЦИАТИВА И ФИСКАЛЬНОЕ ПРИНУЖДЕНИЕ В РОССИИ В 1606–1616 ГОДАХ

Патриотический порыв, охвативший русское общество в 1609–1612 гг., оказался возможен в первую очередь по причине наличия в северо-восточных посадах и уездах России мощной организации земского управления. Несомненно, однако, что успех земского движения был также тесно связан с репрессивной фискальной политикой различных правительств, изымавших налоги для ведения войны. Мы будем называть такую политику фискальным принуждением в соответствии с определением Ч. Тилли, понимавшего под принуждением «осознанное обращение к действиям, которые обычно причиняют вред или вызывают потери в людях или их имуществе, причем потерпевшие осознают как само направленное против них действие, так и потенциальный ущерб»¹. Настоящая статья посвящена изучению взаимовлияния двух обозначенных феноменов (патриотического движения и фискального принуждения) в 1606–1616 гг.

Первый опыт изучения земского движения на Севере России принадлежит перу публициста П. Голохвостова, исследовавшего события конца 1608 – первой половины 1609 г., связанные с борьбой против тушинцев². С.Ф. Платонов изложил историю земского движения согласно своей концепции выхода из Смуты благодаря инициативе и самоотверженности «среднего класса», представленного посадскими и служилыми людьми³. Он упоминал осуществлявшиеся тушинцами и поляками поборы с городов и уездов, но налоговую политику московского правительства и ополчений систематически не изучал. С.Б. Веселовский обратил внимание на полную неизученность фискальной политики времени Смуты. «Представляло бы огромный интерес сравнение финансовых приемов, к которым прибегали различные правительства, сменявшиеся последовательно во время Смуты, с приемами правительства Михаила Федоровича, –

---

* **Аракчеев Владимир Анатольевич**, доктор исторических наук, заведующий кафедрой отечественной истории и музеологии Псковского государственного университета.

Исследование выполнено при поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Псковская земля в эпоху Смутного времени (начало XVII в.)», проект № 12-11-60002.